людей: они тупѣютъ и утрачиваютъ воспріимчивость къ важнымъ явленіямъ жизни. Художники, дабы окружить себя роскошью, нуждаются въ огромномъ количествѣ подсобнаго труда. Господствующее искусство нравится высшимъ классамъ, но непонятно народу. Ему навязываютъ его со всѣхъ сторонъ и оно начинаетъ нравиться ему; но это доказываетъ, что народъ портится, что вкусъ его извращается. То, что доставляетъ наслажденіе высшимъ классамъ, непонятно простымъ людямъ или вызываетъ въ нихъ обратное чувство—недоумѣніе, презрѣніе, даже негодованіе: таковы чувства сословной чести, патріотизма, влюбленности. То, что составляетъ цвѣтъ нынѣшняго искусства въ концертахъ, картинныхъ галлереяхъ, книгахъ, не доставляетъ народу удовольствія, пока онъ работаетъ и не развратился. Искусство высшихъ классовъ никогда не можетъ сдѣлаться искусствомъ всего народа.

«Становясь все болѣе и болѣе исключительнымъ, искусство, говоритъ Толстой, становилось вмѣстѣ съ тѣмъ все болѣе и болѣе сложнымъ, вычурнымъ и неяснымъ» [27]). Толстой подкрѣпляетъ свою мысль выписками изъ произведеній Бодлэра, Верлэна, Малларме и ссылками на картины Мане, Моне и другихъ. Эти перемѣны въ искусствѣ объясняются тѣмъ, что общество считаетъ его не серьезнымъ дѣломъ, а забавой. При повтореніяхъ, всякая забава прискучиваетъ, а потому и стараются пріискивать все новыя формы. Люди, выросшіе въ первой половинѣ 19 вѣка, цѣнители Гёте, Гюго, Диккенса, Бетховена, Рафаеля, не понимаютъ прелести новаго искусства и нерѣдко считаютъ его произведенія безвкусными, даже безумными. Но эта точка зрѣнія неправильна: многіе люди, среди нихъ весь рабочій народъ, не понимаютъ образцовъ искусства, которыми мы восхищаемся—Гёте, Бетховена и другихъ. Если мы говоримъ, что рабочіе люди не понимаютъ ихъ, такъ какъ мало развиты, то, пожалуй, мы, образованные люди, мало развиты, дабы понимать новѣйшее искусство. Если же я говорю, что въ новѣйшемъ искусствѣ и понимать нечего, что оно дурно, то рабочій человѣкъ въ правѣ дѣлать такой же отзывъ о произведеніяхъ искусства, которыя я высоко цѣню. Нерѣдко утверждаютъ, что если произведеніе искусства непонятно и его нельзя разъяснить, то слѣдуетъ чаще смотрѣть на него или слушать, и оно станетъ понятно; словомъ, нужно пріучать людей къ такимъ произведеніямъ искусства. Несомнѣнно, можно пріучить людей и къ дурному искусству, какъ